

висящими на шее. Можно было с легкостью расслышать, как Джонни Холлидей* хрипло тянет очередную рок-балладу.

— Будто бы тут и без того работы не до черта, — пробурчала она достаточно громко, чтобы быть услышанной, несмотря на песнопения Джонни. — Взять хотя бы этих людей, что расшвыривают свое дерьмо повсюду. А теперь еще и собаки, да? — Она с трудом преодолела последние ступеньки лестницы и обратилась к замершей комнате. — Можно подумать, мне мало того, что приходится оттирать кровавые пятна с мокрых стен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Да, понимаю, но, думаю, тут... ну, тут же не так *много* крови, правда? — неуверенно начал Ричард и обернулся, чтобы увидеть Валери и мадам Таблье, стоящих за его спиной в дверях одной из спален верхнего этажа.

Две эти женщины были максимально разными, отличающимися друг от друга всем, от внешности до образа жизни, и потому вряд ли их могло объединить хоть что-нибудь, кроме стопроцентно надуманного реалити-шоу. В данный момент тем не менее на их лицах застыло одинаковое выражение, делавшее их похожими на сестер. Выражение, в котором сомнение граничило с недоверием, подкрепленным вопросом «Тут ведь речь не о количестве крови, так?» в глазах.

* Французский рок-певец.

С фактической точки зрения Ричард был в чем-то прав. Крови действительно было немного. Однако справа от выключателя перед ванной комнатой номера имелся очень четкий темно-красный след ладони, похожий на детский рисунок. Отпечатки пальцев были вытянуты, хоть и чуть смазаны на концах, а центр — очень четкий, до такой степени, что можно было различить линии и казалось, будто ладонь издевательски машет им со стены. Ричард сделал шаг назад, не отрывая глаз от пятна и чуть склонив голову набок, словно художественный критик, сомневающийся в знании современных трендов.

Затем издал тяжелый вздох, который должен был прозвучать пренебрежительно, даже насмешливо, словно все, безусловно, под контролем, но походил, скорее, на сдавленный всхлип. «Обычное» — таково было его определение нынешнего утра до сих пор.

— Мне это не нравится, — буркнула мадам Таблье и, чтобы подчеркнуть свое недовольство, яростно погрозила гадкому пятну шваброй.

Ричард «унаследовал» мадам Таблье, когда он и его жена Клер приобрели это дело пару лет назад. Она постоянно балансировала на грани приличий, немилосердно ругалась при постояльцах, которых в массе своей считала ненужным, зараженным микробами, пачкающим все вокруг злом. На первый взгляд казалось, она так ненавидит этот мир, что девиз «Смерть милосердная, приди за мной скорее» нужно было вышить на ее фартуке, украшенном словами *Je place le bonheur au-dessous de tout*, что в общих чертах переводилось как «Я ставлю

счастье превыше всего прочего» и определенно купленным шулки ради. «Я отставила счастье вместе со всем прочим в сторону» — было бы намного ближе к правде. Но Ричарду она напоминала неукротимую Айрин Хэндл*, а за это он был готов простить практически все. К тому же как можно не нанять помощницей по хозяйству женщину с фамилией Таблье? «Таблье» по-французски означало «фартук», и этот своеобразный номинативный детерминизм поддерживал Ричарда во время ссор. Она застыла, готовая к бою, вздернув швабру, вероятно на случай самообороны, если бы вдруг кровавый отпечаток спрыгнул со стены и приложился к ее тылам.

— Это довольно интересно, вы не считаете? — Валери д'Орсе заняла более спокойную и взвешенную позицию. Прочие посмотрели на нее с недоумением. — Нет, правда, — продолжила Валери, самым непринужденным образом проигнорировав их откровенный скептицизм: — Взгляните. — И она подняла свою ладонь, сравнивая ее с пятном.

— Не трогайте его! — прошипела мадам Таблье. — Это улика!

— Я и не собираюсь его трогать! — отбрила Валери тем же свистящим шепотом, не опуская руки.

— Да уж, будьте любезны, не трогайте, — последовал слегка желчный ответ.

— Смотрите. — Ладонь Валери нависла над красным отпечатком на стене. — Видите?

— Теперь нет. Ваша рука все закрыла к чертям.

* Британская актриса.

— Мадам Таблье, я пытаюсь показать вам размер руки...

— А какое это имеет значение?

Ричард, накопивший за свою жизнь достаточно опыта, прекрасно знал, когда лучше не вмешиваться. Чуть ранее на неделе он наткнулся на двух своих куриц, Лану Тернер* и Джоан Кроуфорд**, сцепившихся за дохлую мышь, и тогда пришел к такому же выводу, как и сейчас: оставь их в покое — и пусть природа возьмет свое. К тому же споры на французском, а по правде сказать, и любое выражение взрывных эмоций казались ему невероятно сложными с точки зрения языка, требующими огромных усилий. Валери опустила ладонь, уперлась руками в бока и многозначительно обернулась к мадам Таблье.

— Я пытаюсь показать вам кое-что. Так что опусти-те свою швабру и дайте мне объяснить.

Никогда прежде он не видел, чтобы кому-нибудь удавалось одержать верх над мадам Таблье, хотя следовало признать, что он не видел даже, чтобы кто-нибудь пытался. Но, может, что-то мелькнуло во взгляде Валери — с того места, где стоял Ричард, было незаметно, — а может, дело было в едва заметном изменении тона, однако старшая женщина моргнула первой и опустила швабру. Когда вопросы субординации разрешились, Валери продолжила, подняв правую руку с идеальным маникюром снова.

* Американская актриса, секс-символ 1940–1950-х годов.

** Американская актриса, в 1930-е годы по популярности соперничавшая с Марлен Дитрих и Гретой Гарбо.

— В этой комнате останавливался мужчина, так?

— Да. — Ричард слегка опешил, оказавшись внезапно вовлеченным в беседу. — Мсье Граншо. Он уже останавливался у нас прежде.

— Маленького роста?

— Да, полагаю, так.

— Что ж, не сомневаюсь. — Она настойчиво продолжала. — Я не слишком крупная женщина, но наши руки почти одного размера.

Ричард не был уверен, есть ли тут связь с чем-либо, но Валери считала это важным, а он не собирался возражать. Мадам Таблье тем не менее проявила еще меньше уверенности и, наконец-то отставив швабру в сторону, подняла к отпечатку собственную руку: для сравнения. Рука Валери рядом с ее походила на руку ребенка.

— Мой почивший супруг, упокой Господь его душу, бывало, говорил, что такими руками я могла бы удавить целую лошадь словно курицу.

С учетом всех обстоятельств это были очень странные слова, и Ричард с Валери решили, что лучше всего их просто проигнорировать. Пусть даже ни один, ни вторая не смогли отвести глаз от мясистой, похожей на окорок конечности пожилой женщины.

— Ну, в дверь он стучал, да, — произнес Ричард. Он пытался припомнить еще что-нибудь, но старик был не особо запоминающимся, да и сам Ричард, кстати, нечасто утруждал себя болтовней с гостями. — Нет, не высокий, точно. Трудно сказать, честно говоря, он был довольно, э-э-э... — он судорожно пытался подо-

брать французское слово, — сутулый, — добавил он по-английски извиняющимся тоном.

— Сутулый? — Казалось, Валери сердится, причем скорее на себя, за то, что не знает этого слова, чем на готового удариться в панику Ричарда.

— Да, ох, что же это за слово? — Он почесал затылок. — Эрм... — Он вдруг ощутил невероятное напряжение и даже нагнулся вперед, пытаясь проиллюстрировать позу. — *Courbe!* — триумфально заявил он в пол, а затем выпрямился, щелкнул пальцами и указал с видом победителя на Валери. — *Courbe!** — повторил он с облегчением. — Мсье Граншо был *courbe*.

— Ладно. — Мадам Таблье была само высокомерие. — Это мы поняли.

— Этот отпечаток о многом нам говорит, я считаю. — Валери снова взяла контроль над ситуацией в свои руки, достав откуда-то карандаш и принявшись указывать им на стену. — Здесь масса информации.

— *Dio mio!*** — Возглас раздался у двери, в которой замер синьор Риззоли, ныне судорожно крестившийся.

— Это всего лишь детский рисунок, синьор, — выпалила Валери по-итальянски практически молниеносно, но молодой итальянец не выглядел убежденным.

— Могу я помочь вам, синьор? — громко спросил Ричард по-английски.

— *Piu caffè, per favore, piu caffè****, — ответил тот, не отрывая взгляда от отпечатка.

* Кривой (*фр.*).

** Боже мой (*ит.*).

*** Еще кофе, пожалуйста, еще кофе (*ит.*).

— Мадам Таблье, вы не могли бы обслужить этого джентльмена, пожалуйста?

— О, так вот, значит, как, да? Я отправлюсь выполнять всю грязную работу, пока вы двое тут секретничаете. Ха! Я должна была сразу это понять. — Она промаршировала мимо синьора Риззоли и, топая, ринулась вниз по лестнице.

— И вот они, мои баллы на «ТрипЭдвайзере»*, — мрачно пробормотал Ричард, когда встревоженный итальянец отправился вслед за ней.

— Что?

— Ничего. Что вы имели в виду под «информацией»? Информацией о чем?

— О том, кто такой этот джентльмен, — сказала Валери так, словно это было самой очевидной вещью в мире. — Взгляните. — Она снова подняла карандаш. — Вот линия жизни, а вот линия поменьше, параллельная ей, видите? — Ричард кивнул. — Основная линия жизни прямая, она указывает на силу и энергичность, а меньшая линия это подтверждает. Похоже, ваш мсье Граншо весьма устойчив к болезням. А вот у основания линии жизни, здесь, раздвоение. Это указывает на одиночку, оторванного от семьи. Он всегда был один, вы сказали? — Ричард уже перестал следить за карандашом Валери и теперь разглядывал собственные ладони. Как ни прискорбно, но и у него было раздвоение. — Линия ума здесь длинная и прямая, значит,

* TripAdvisor — американский сайт путешествий. Дает своим пользователям возможность спланировать поездку в любую страну мира.

он преданный человек, но и упрямый тоже. — И снова Ричард посмотрел на собственную ладонь, где линия ума была едва заметна. — Однако это интересно: здесь либо нет четкой линии сердца, либо она слилась с линией ума. Это хорошо для мужчины, означает силу, успех.

— А для женщины?

— Для женщины? Не так хорошо. Разрушительно, вредоносно. Вот здесь должна быть линия брака. Но ее нет. И снова: он целеустремленный человек, не заботящийся ни о браке, ни о противоположном поле — лишь о самом себе.

— Так он не был женат? — предположил Ричард.

— Нет, если, конечно, не был слишком юн, чтобы эта линия успела сформироваться. Но мы-то знаем, что это не так.

— У меня тоже нет линии брака, — печально признался Ричард; утро становилось по-настоящему отвратительным. — Только морщины. — Валери строго взглянула сначала на него, а затем на его ладонь.

— Нет, — возразила она, — у вас много линий брака, глядите: как минимум три.

— Три брака!

— Необязательно. Это может означать много браков, один брак и пару любовных историй или даже то, что у вас есть одна настоящая любовь и она в три раза сильнее того, что может испытывать один человек.

Ричард с отвращением сжал ладонь.

— Все это чертовски расплывчато, если хотите знать мое мнение!

— О да, — легкомысленно подтвердила Валери, — настоящее мумбо-юмбо. — Ему понравилось, как она произнесла «мумбо-юмбо». — Но некоторые люди верят в подобное, отчего оно становится интересным.

На верхней ступеньке лестницы с шумом возникла мадам Таблье.

— От всего этого итальянцы дали деру, — заявила она, едва отдышавшись. — Ну? Тело уже нашли?

— Тело?

Ричард встревоженно огляделся вокруг; подобная мысль, как ни странно, ему и в голову не приходила. Хотя спрятать тело здесь не представлялось возможным. Шкафа не было, только деревянная вешалка-перекладина. Кровать застелена, словно на ней и не спали, и под ней тоже определенно ничего не было. В углу стоял расписной сундук, как обычно, раскрытый, с высыпавшейся наружу лавандой. Багаж отсутствовал. На самом деле, не считая кровавого отпечатка, комната была абсолютно готова к приему нового постояльца.

— Все это очень хорошо, — заявила мадам Таблье, — но чем дольше кровь остается на стене, тем сложнее ее будет оттереть. Раз тела нет, так, может, все это лишь недоразумение, а этот тип просто смылся, не заплатив.

— Возможно и такое: порезался во время бритья. — Валери выглядела смущенной.

— У него густая борода, — заметил Ричард, заходя в ванную. — Тут дело не в бритве. — Он принялся открывать и закрывать шкафчики под раковиной,

проверяя, есть ли здесь хоть какие-нибудь следы жильца.

— Может, носом кровь пошла? — предположила мадам Таблье. — У моего покойного супруга, упокой Господь его душу, как-то кровь из носа шла с такой силой, что ванная походила на бойню.

— Он был гемофиликом? — Валери вздохнула; в ее голосе слышались отстраненность, даже разочарование, что такое перспективное приключение так банально закончилось.

— Нет, коммунистом до последнего вдоха, — последовал гордый ответ.

— Но я имела в виду...

— Или... — Ричард вышел из ванной, держа в руках небольшое ведро с откидной крышкой, — он упал, раздавил свои очки и поэтому был в крови.

— Да, что ж, полагаю, вариантов множество.

Валери собралась уходить, но тут Ричард откинул крышку ведерка, а в нем оказались разбитые, окровавленные очки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Куры глядели на Ричарда с подозрением, склонив головы набок с синхронностью пловчих, только без приклеенных улыбок. Лана Тернер и Джоан Кроуфорд перестали драться и теперь гадали: что происходит,

* Человек, страдающий от плохой свертываемости крови.



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

